

О НАРОДНОСТИ ПОЭМЫ НЕКРАСОВА «САША»

(Саша и Татьяна)

Сходство поэмы Некрасова «Саша» с романом Пушкина «Евгений Онегин» давно отмечено некрасоведами. Наиболее подробно писал об этом В. Е. Евгеньев-Максимов, который обратил внимание и на идейное родство двух героинь — Саши и Татьяны: «...О Саше отнюдь не с меньшим основанием можно повторить то, что Пушкин сказал о Татьяне, — «русская душой»¹. Исследователь указал и на отличие Саши от Татьяны, определяемое, в конечном счете, тем, что Саша — героиня новой эпохи: «...Весьма существенны различия в идейном и психологическом облике Саши и Татьяны, воспитанных в разные эпохи. Это, в частности, нашло выражение и в том, что Татьяна отвергает Онегина, руководствуясь нравственным, точнее говоря — супружеским долгом, в то время как Саша отвергает Агарина потому, что разочаровывается в возможности рука об руку работать с ним на пользу общественную»².

В настоящей статье мы ставим своей целью, развивая эти мысли В. Е. Евгеньева-Максимова, показать, что в образе Саши нашли свое воплощение новые представления о народности, которые были свойственны Некрасову и его эпохе.

Татьяна, как известно, выражала «национально-народный тип сознания, душевного склада»³. В отличие от этого, Саша — выразительница демократического сознания, которое, по-видимому, должно впоследствии привести ее в лагерь революционных демократов⁴.

Героини воспитываются в одной и той же среде — в русской деревне, в помещичьей усадьбе. Но Пушкин в жизни русской деревни отобрал условия, которые формировали тип, подобный Татьяне. Г. А. Гуковский считал, что на Татьяну оказала влияние «... не семья Лариных, а русская деревня, народная поэзия, няня»⁵. В отборе жизненного материала, в создании среды, окружающей героиню, Некрасов использовал те же компоненты, что и его великий предшественник, но придал им иное освещение.

«Для Пушкина, — отметил Г. А. Гуковский, — еще не играет решающей роли то, что Татьяна — помещичья дочка. Но для него важно то, что она «уездная барышня», живущая в окружении исконно-национальной культуры и в тесной близости к народу»⁶. Для Некрасова, поэта революционной демократии, выбор героини из помещичьей среды был связан с тем, что народ, закрепощенное крестьянство, в силу социальных условий не бы-

до еще в состоянии подняться до уровня политической сознательности.

Саша растет в помещичьей семье. И хотя средства этой семьи, по выражению поэта, «убогие», тем не менее такой выбор обстоятельств позволяет избавить героиню от тягостных повседневных забот, создает благоприятные условия для ее развития. Картины быта провинциальной дворянской семьи в поэме почти полностью отсутствуют, в отличие от пушкинского романа, где тщательно выписан быт семьи Лариных и их соседей-помещиков. Но несомненно, что родители Саши, с их «убогими» средствами, принадлежат к небогатому, захудалому дворянству. Они гораздо беднее, чем родители Татьяны. В корректуре поэмы «Саша» есть строки, в которых родители героини сопоставлены с гоголевскими старосветскими помещиками (см. I, 478). Правда, в окончательном тексте их нет. В авторской характеристике старичков-родителей Саши подчеркнута их близость к народной жизни, а отсюда как следствие — доброта, гостеприимство, радушие, отсутствие спесивости. В отличие от Татьяны, которая была отчуждена от родительской семьи («Она в семье своей родной казалась девочкой чужой»), Саша довольно близка к своим родителям, которые много заботятся о ней, волнуются за нее (см. 2-ю и 3-ю главы поэмы), хотя, конечно, не могут понять ее стремлений.

Отчетливо выступает различие и во внешнем облике героинь. Татьяна обрисована в романе скупо, но все же мы видим ее — бледную, худую; у нее бледное лицо, «изнуренные пальцы», «прелестное плечо». Бедность внешних черт заменена «богатством психологического содержания»⁷. Читатель при первом же знакомстве с Татьяной узнает о ней, что она задумчива, «Дика», печальна, молчалива, Как лань лесная боязлива». Пушкин сразу выделил в Татьяне черты ее самостоятельного характера, ее своеобразие и отличие от окружающих.

Внешность Саши в поэме описана более подробно, причем внешние признаки портрета передают жизнерадостность, физическое здоровье:

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!
(I, 1113).

Эти внешние черты повторяются с некоторыми вариациями: «смуглая Саша»; «Рдеет румянец и ярче и краше» (I, 113); «Щеки румянцем горят не стыдливо» (I, 120); «Прежний румянец в лице заиграл» (I, 124).

Некрасов подчеркивает физическое здоровье Саши:

В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива
(I, 124).

И даже говоря о черных косах и черных глазах Саши, поэт отмечает резвость и энергию своей героини:

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана
И убежит....

(I, 114);

Вот над колосьями в синем венке
Черная быстро мелькнула головка

(I, 116);

Бегаёт живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз

(I, 113).

Резвость, жизнерадостность, физическое здоровье Саши, как это ни парадоксально, напоминают не о Татьяне, а об Ольге. Ольга всегда весела, мила, резва, она «Авроры северной алей И легче ласточки», у нее румяная свежесть; «Кругла, красна лицом она» и т. д. Все эти черты вызывали ироническое отношение Пушкина, ибо он их связывал с простодушием, с отсутствием глубокого внутреннего содержания.

Свой идеал женской красоты Пушкин воплотил в образе Татьяны. Но у Некрасова был другой идеал, связанный с народными представлениями. Примечательно, что Саша по внешности своей очень напоминает крестьянок, героинь некрасовской поэзии. Еще в стихотворении «Тройка» (1846) Некрасов так описал привлекательную внешность крестьянской девушки: «Сквозь румянец щеки твоей смуглой Пробивается легкий пушок, Из-под брови твоей полукруглой Смотрит бойко лукавый глазок» (I, 26).

Образ девушки физически крепкой, здоровой не случаен в поэзии Некрасова. Вслед за Кольцовым Некрасов поэтизирует народный идеал красоты, который сложился под влиянием трудовой жизни народа. Именно этот идеал женской красоты впоследствии всесторонне обосновал Н. Г. Чернышевский в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности»⁸.

Саша, как и Татьяна, выросла в деревне. В. Е. Евгеньев-Максимов писал: «Обе они росли на лоне природы, в близком общении с народом»⁹. Это указание, в целом справедливое, нуждается, однако, в конкретизации. Природа, на лоне которой растет Саша, — казалось бы, та же самая, что окружала Татьяну, но в то же время она и совсем другая.

Природа для Татьяны — это, по преимуществу, *природа барской усадьбы*. Когда впервые читатель знакомится с Татьяной, о ее любви к природе говорится: «Она любила на балконе Предупреждать зари восход» («Евгений Онегин», гл. II — Курсив мой — Л. К.). Влюбившись в Онегина, она идет грустить *в сад* (гл. III). Картина зимнего пейзажа — двор, забор, деревья в зимнем серебре (гл. V) — показана так, как видит ее Татьяна *из окна*.

Другую природу знает и любит Саша. Героиня каждый раз показана *вне усадьбы*. Ей милы просторы русских полей:

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей
(I, 114).

Здесь она знает название каждой травки, умеет различать птиц, насекомых (см. I, 116). Она любит и хорошо знает лес (см. I, 114). И первое ее детское горе — это рубка леса, так вдохновенно, через призму сознания героини описанная поэтом (см. I, 117—119). Любит Саша бывать у реки за мельницей (см. I, 114), а зимой кататься в санках с ледяной горы (см. I, 117). Уходя далеко от барского дома, Саша часто наблюдает быт и труд крестьян. Она гораздо ближе к народу, чем Татьяна.

Проводя мысль о связи своей героини с народом, Пушкин окружил ее образ фольклорными мотивами. Фольклорная по своему характеру песня «Девицы, красавицы», которую Пушкин ввел в роман, важна по содержанию. Переключаясь с биографией Татьяны, она рассказывает о любви девицы к молодцу, о смелом выражении любви со стороны девушки из народа. Поэтому Г. А. Гуковский видит в этой песне «идейный аккомпанемент к решающему мгновению душевной жизни героини»¹⁰. В 5-й главе автор окружает Татьяну народной обрядностью, гаданьями, фольклорными обычаями. И, наконец, сон Татьяны состоит из образов и мотивов народного искусства, народных представлений, фольклора. Это яркое свидетельство связи духовной культуры героини с народными началами жизни. Сон Татьяны в основе своей — это сон невесты из русского фольклора.

Наличие фольклорной стихии, прикрепленной в романе к образу Татьяны, мотивируется и ролью, которую в жизни Татьяны играла няня, внушившая своей воспитаннице любовь к народному искусству, уважение к духовной культуре трудового русского народа. В решительную минуту в жизни героини (когда она влюбилась в Онегина) рядом с ней оказывается няня. Справедливо заметил Г. А. Гуковский, что образ няни «...поддерживает высокую оценку Татьяны как идеала»¹¹. Но близостью к няне, по существу, и ограничивается непосредственное знакомство Татьяны с людьми из народа.

У Саши тоже есть няня. Отношения Саши с няней в какой-то мере напоминают соответствующие эпизоды пушкинского романа. Воображение Саши развивалось под влиянием русского народного творчества, воспринятого от няни:

В змине сумерки нянины сказки
Саша любила.

(I, 117).

Влияние фольклора ощущается в «снах» Саши, в ее «пестрых грезях». Содержание этих грез в поэме подробно не излагается (см. I, 120), но связаны они с образами жар-птиц, перенесенными в поэму из русских народных сказок. Героям сказок всегда приходится преодолевать трудности и препятствия, чтобы

найти этих птиц, приносящих счастье. Таков же, намекает Некрасов, будет и жизненный путь Саши.

Однако в жизни Саши няня не играет такой большой роли, как Филиппевна в жизни Татьяны. образу няни в поэме Некрасова вообще уделено меньше внимания, чем в романе Пушкина. Мы знаем биографию Филиппевны, но не знаем ничего о жизни Сашиной няни. Мы видим только ее доброту, ее преданность Саше.

Надо сказать, что образ няни во всей поэзии Некрасова осмысливается совсем не так, как у Пушкина. Умиление преданностью дворовых людей, и в частности крепостных нянь, было Некрасову чуждо; более того, оно вызывало раздражение у поэта революционной демократии, ненавидевшего помещичий быт в целом. В стихотворении «Родина» (1846) Некрасов писал о крепостной няне: «Ее бессмысленной и вредной доброты На память мне пришли немногие черты, И грудь моя полна враждой и злостью новой...» (I, 29). Поэма «Саша», где характеристика няни близка к пушкинской, является в этом смысле исключением. Исключение это имеет реалистическую мотивировку: в воспитании дворянской девушки в небогатой помещицкой усадьбе няня неизбежно должна была играть значительную роль.

Но знакомство Татьяны с народом по существу *кончалось* ее общением с няней. Знакомство же Саши с народом лишь *начинается* с няни. Саша, в отличие от Татьяны, встречается не только с дворовыми, — она видит и труд лесорубов (см. I, 117—119), и, главное, труд крестьян — пахарей, земледельцев. Ее привлекают и картины пахоты (см. I, 115), и картины обмолота (см. I, 115). Саша задумывается о жизни крестьян, об их будущем. Сначала они кажутся ей счастливыми людьми:

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой
(I, 115)..

Постепенно перед ней раскрываются тяготы народной жизни, крепостной доли. Аллегорический смысл имеет раздумье Саши у бурлящей реки: «Нет ей простота ...неволя горька!» (I, 114). Это, конечно, о народной доле размышляет Саша. И она решает по мере своих сил помогать народу (см. I, 123). Итак, в отличие от Татьяны, Саша сближается с народом, с крестьянами.

Здесь ясно чувствуется различие в типах народности этих двух героинь русской литературы. Цельность характера Татьяны определялась близостью к национальному, русскому; цельность характера Саши — близостью к трудовому, крестьянскому миру.

Различие в идейном и психологическом облике Татьяны и Саши сказалось и в круге их чтения. Татьяна еще в отрочестве начала увлекаться романами («Ей рано нравились романы; Они

ей заменяли всё»). В «Евгении Онегине» (во 2-й и 3-й главах) эти романы перечислены. Это — английские, немецкие, французские романы XVIII в. и начала XIX в. («Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо; «Дельфина» де Сталь, «Грандисон» и «Кларисса Гарлоу» С. Ричардсона; «Страдания молодого Вертера» И.-В. Гете и др.). Все эти романы, как известно, имеют психологическое и нравственное содержание, прославляют высокие и благородные человеческие чувства. Большое место занимает в них тема любви. Эта тема особенно привлекала Татьяну. Когда она влюбилась в Онегина, все герои романов для нее «в единый образ облеклись, В одном Онегине слились». А себя стала представлять «...героиней Своих возлюбленных творцов, Клариссой, Юлией, Дельфиной...»

Совсем иную роль играют книги в жизни Саши. Родители не заботились о ее чтении, исходя из того, что

Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука...
(I, 113).

Мир книг ей открыл Агарин, когда она была уже взрослой девушкой. Это было столь важно, что в жизни Саши начинается новый период. Какие это были книги? В набросках к 3-й главе Некрасов упоминает Ламартина (см. I, 456), французского поэта-романтика первой половины XIX в.; в своих стихах, окрашенных в грустные тона, Ламартин писал по преимуществу о душевных переживаниях человека. Затем, в следующей черновой редакции, Некрасов расширяет круг чтения Саши, сохраняя, впрочем, имя Ламартина:

Стали французские книжки читать
И до рассвета о них рассуждать.
Как бишь? читали, кажись, Ламартина
(I, 468).

Стоящее рядом с другими французскими книгами имя Ламартина определяло уровень и содержание этих книг, что не удовлетворяло Некрасова. Поэтому в окончательном тексте поэмы о книгах остаются следующие стихи:

...он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.
Словно брала их чужая кручина,
Все рассуждали: какая причина,
Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?
(I, 122).

Упоминание, что книги были французские, в сочетании со стихами о бедности и несчастье людей, о многом говорило современникам, ибо в 40—50-х годах значительной части русской интеллигенции было свойственно увлечение идеями утопического социализма. Из Франции мысли о новом общественном устройстве, о новых отношениях между людьми проникали

в Россию с книгами Сен-Симона, Фурье, А. Блана, и особенно, Ж. Санд.

Как мы видели, книги пробудили у Саши не мысли о любви, а мысли об общественных делах. Новый этап в чтении Саши наступает после отъезда Агарина:

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!
(I, 123):

Какие это были книги, в поэме не сообщается. Но, видимо, здесь были и русские книги. Не исключено, что среди них был и Некрасовский журнал «Современник». Как бы то ни было, сразу после приведённых слов говорится о том, что Саша (видимо, не без влияния прочитанных книг) стала особенно внимательна к бедным крестьянам:

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги
(I, 123).

Итак, книги способствовали формированию демократических взглядов Саши.

Укажем, наконец, и еще на одну параллель между героинями Некрасова и Пушкина, которая проводилась уже в некрасоведческой литературе. Саша, как и Татьяна, отвергла любовь человека, которого она продолжала любить. Как известно, Татьяна отвергла Онегина, исходя из моральных соображений, будучи уже замужней женщиной; этот отказ от личного счастья свидетельствует о ее воле и решимости. Саша же отказалась выйти замуж за Агарина — и ее поступок также говорит о ее воле и решимости. Но поступок Саши имеет совсем другое основание. Ведь Агарин отошел от своих первоначальных передовых взглядов. Разрыв с любимым человеком, отошедшим от дорогих для Саши общественных идеалов, свидетельствует о быстром формировании демократических воззрений героини¹².

Подведем итог. Сопоставление Саши с пушкинской Татьяной позволяет сделать вывод, что в образе своей героини Некрасов воплотил новый тип народности, свойственный его революционно-демократической поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Евгенийев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. Т. II. М.—Л., 1950, с. 253.

² Там же.

³ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, с. 204.

⁴ См.; Гаркави А. М. Поэма Некрасова «Саша». — В кн.: Некрасовский сборник. Вып. II. М.—Л., 1956, с. 151—152.

⁵ Гуковский Г. А. Цит. соч., с. 170.

⁶ Там же, с. 204.